DOI 10.47643/1815-1337_2025_2_14

# ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПАРАДИГМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА. Статья вторая. Эволюция верховной власти и формы правления в России от Рюрика до ее 1917 г.

# PERIODIZATION OF THE HISTORY OF NATIONAL STATEHOOD IN THE PARADIGM OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH. The second article. The evolution of supreme power and the form of government in Russia from Rurik to 1917

**ШАЙРЯН Георгий Павлович,**
**доктор юридических наук, кандидат исторических наук,**
**руководитель Департамента общегуманитарных и естественно-научных дисциплин**
**АНО ВО «Международной академии бизнеса и управления».**
**5-й Марьиной Рощи пр-д, 15А, г. Москва, 129594, Россия.**
**E-mail: georg5219@mail.ru;**

**SHAIRYAN Georgy Pavlovich,**
**Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences,**
**Head of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences**
**ANO VO "International Academy of Business and Management".**
**5th Maryina Grove ave., 15A, Moscow, 129594, Russia.**
**E-mail: georg5219@mail.ru**

***Краткая аннотация:*** *Во второй из трех статей, посвященных разрешению проблемы периодизации отечественной государственности, рассматривается несколько ее периодов, охватывающих время возникновения древнерусского государства вплоть до начала XX в. Предлагается коррекция ее систематизации с введением в научный оборот новой правовой категории - форма верховной власти, включая вече, княжеской единодержавие и царское самодержавие.*

***Abstract:*** *In the second of three articles devoted to the solution of the problem of periodization of the national statehood, several of its periods are considered, covering the time of the emergence of the ancient Russian state up to the beginning of the 20th century. A correction of its systematization with the introduction into scientific circulation of a new legal category is proposed - the form of supreme power, including the veche, princely autocracy and tsarist autocracy.*

***Ключевые слова:*** *российская история, государственность, цивилизация, форма верховной власти, княжеское единодержавие, царское самодержавие.*

***Keywords:*** *Russian history, statehood, civilization, form of supreme power, princely autocracy, tsarist autocracy.*

***Для цитирования:*** *Шайрян Г.П. Периодизация истории отечественной государственности в парадигме цивилизационного подхода. Статья вторая. Эволюция верховной власти и формы правления в России от Рюрика до ее 1917 г. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 14-19. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_2_14.*

***For citation****: Shairyan G.P. Periodization of the history of national statehood in the paradigm of the civilizational approach. The second article. The evolution of supreme power and the form of government in Russia from Rurik to 1917 // Law and state: theory and practice. 2025. No. 2. pp. 14-19. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_2_14.*

***Статья поступила в редакцию: 07.02.2025***
***Дата публикации: 28.02.2025***

Принятое в современном научном сообществе России представление о форме российского государства, о составляющих ее элементах и их функциях нуждается в базовой корректировке. Практически значимым в этом отношении является осмысление правомерности восприятия формы правления в качестве безальтернативной основы для периодизации истории государства и права России. Знакомство с историографией вопроса о классификации форм правления, которых насчитывается великое множество[1], приводит к выводу о том, что столь спорную и многозначно трактуемую категорию права будет сложно применить в качестве стержня, на который без изъяна возможно нанизать на историю отечественной государственности с ее тысячелетним генезисом цивилизационно-культурного бытия.

Казалось бы, что с этой непосильной задачей советские исследователи все-таки сумели справиться, нивелировав богатейший опыт России и загнав его в прокрустово ложе формационной теории К. Маркса. Обрубленная с головы до ног российская история, которая оказалась лишенной присущей ей цветущей самобытности, предстала как следующий один за другим временной период с заведомо известной перспективой.

Уникальная государственно-правовая эволюции России, представленная в марксистской интерпретации как унифицированная модель клишированного общечеловеческого развития, выводилась полностью зависимой от изменений в системе производственных отношений с соответствующими уроню их развития историческими периодами экономического роста, связанного со все более нарастающей эксплуатацией народных масс. Отталкиваясь от теории классовой борьбы, декларировалось, что такой процесс неминуемо ведет к радикальным государственным преобразованиям, к возникновению революционной ситуации, когда «низы не хотели», а верхи не могли» жить по-старому[2].

Форма правления в этом процессе выступала в качестве маркера, указывающего на наличие или отсутствие прогресса, который мыс-

[1] См. подробнее: Нечкин А.В. Форма правления в государствах мира: проблемы классификации и пути их возможного решения // Теория права, 2019. № 5(150). С.133-147.
[2] Ленин В.И. ПСС. Изд. пятое. Т. 23 С. 300.

лился на пути неминуемого восхождения от монархии к республике с ее демократическими принципами. В этом искусственно формализованном теоретическом построении присутствовали другие два элемента формы государства - форма государственного устройства и политический режим. Их характеристика неизбежно связывалась с теми же политизированными критериями строительства свободного от эксплуатации народного государства, которое в перспективе и само должно стать ненужным. Таким образом, постфактум доказывалась неизбежность и правомерность революционного насилия, совершенного в 1917 г. заговорщиками, которые лишили династического обладателя верховной власти – Государя и Императора Всероссийского – законной возможности ее осуществления.

В этом заключалась скрытая от глаз политическая подоплека обрисованной выше псевдонаучной обоснованности рождения и развития российской государственности. В результате, родился западноподобный гибрид ее историко-правовой интерпретации. Он легко укладывался в схему, которую без труда можно найти в любом учебнике истории государства и права России. С некоторыми незначительными изменениями она представлена следующим образом:

1.Раннефеодальная монархия в Древнерусском государстве (IX в. – XII в. – Киевская Русь);

2. Период политической раздробленности самостоятельных уделов и ордынского нашествия (вторая половина XII в. – XIV в.), который отличался «разнообразными формами политического устройства от феодальной монархии до феодальной республики»;

3. Период XV в. – XVII в. – становление и развитие Московского государства с установлением сословно-представительной монархии;

4. Период XVIII в. – начало XX в. Это время существования Российской империи с формой правления, которая характеризовалась как абсолютная монархия;

5. Период конституционной монархи начала XX в., когда государственный закон становиться выше воли самодержца.

Из существующих в историографии этого вопроса мнений, отличающихся завидным единством, становится очевидным, что перед нами сложившаяся и устоявшаяся концепция классификации периодов. Как отмечалось, в ее основу положена такая правовая категория как форма правления. Пояснения, которые даются для поддержания этой концепции и обоснования ее научной достоверности, оставляют желать лучшего.

Дело в том, что объяснить существование раннефеодальной монархии как формы правления в условиях отсутствия на Руси феодализма, также немыслимо как представить себе, что государственно-церковные соборы XVI-XVII вв., будучи законосовещательными органами царской власти российского монарха, как и их аналог - Государственная Дума начала XX в., юридически ограничивали верховную самодержавную власть русского государя. Очевидно, что в данном случае нужен другой классификационной код, другие методологические инструменты, способствующие уточнению существующих положений теории и истории государства и права с учетом исключительности российского исторического бытия. Цивилизационно-культурный подход и взгляд на форму верховной власти как на самостоятельную правовую категорию отечественной государственности такую возможность предоставляет.

**Форма верховной власти и форма правления в целях периодизации отечественной государственности**

Как было показано ранее, форма верховной власти инициирует форму правления, государственный строй и политический режим, дает толчок их развитию, обуславливает особенности их характеристики, оставляя при этом каждому их этих элементов формы государства заметную, но контролируемую обладателем верховной власти политико-правовую самостоятельность своего проявления. С этой точки зрения периодизация истории государства и права России схематично выглядит следующим образом:

1. Первый период характеризуется тем, что формой верховной власти древнерусской государственности до Крещения Руси в 988 г. было вече. Форма правления имела общинный характер, при которой призываемый на княжение русский князь, не имел существенных правовых преимуществ и правомочий, разделяя верховную власть с выборными лицами вечевого института.

2. Второй период охватывает время с Крещения Руси в 988 г. и до 1547 г., когда русский государь венчался на царство. Формой верховной власти в этот период является княжеское единодержавие, ограниченное правами веча, мнением боярской думы и дружины. Пройдя длительный путь в шесть с половиной веков, княжеское единодержавие постепенно набирает силу единоличной княжеской воли, достигнув максимума своих правовых возможностей и силы политического верховенства при Иване III. Форма правления в этот период была монархической.

3. Третий период длился с 1547 г. по 2(15) марта 1917 г., когда формой верховной власти закрепилось царское самодержавие при монархической форме правления.

Данная схема исторической эволюции государства и права России нуждается в ряде пояснений, характеризующих каждый из ее периодов более обоснованно и более подробно.

Первый период. До Крещения Руси в 988 г. древнерусская государственность на Русской земле, выросшая из «крупного межплеменного объединения типа суперсоюза, или союза союзов»[1], имела общинную форму правления и вече в качестве формы верховной власти. Вече этого периода представляло собой «собрание глав семейств или дворов, где руководящие позиции занимали старейшины древних уважаемых родов («земское боярство») и волхвы, так и не превратившиеся в сословие, но поддерживавшие языческие верования и обладавшие высоким авторитетом», - пишет И.И. Грачев и добавляет: «Это свидетельствует о смешанном аристократическо-демократическом характере нарождающейся восточнославянской государственности при доминировании демократических начал, что придавало ей с самого

[1] Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства// Начала русской истории. Избранное. - М.: Издательский дом «Паради». С. 732, 749.

начала весьма рыхлый характер»[1]. Дополняло картину формирования русской государственности то обстоятельство, что для решения «военных задач была необходима сильная княжеская власть. С целью усиления военной мощи племена стали объединяться в известные нам союзы племен (словене, кривичи, поляне, полочане, вятичи, радимичи, северяне, древляне, дреговичи и др.). Каждый союз племен также избирал своего князя, которому подчинялись племенные князья.В VI – VIIIв. Среди вождей постепенно установилась определенная иерархия. Вождь союза племен стал именоваться князем князей, а вожжи племен – светлыми князьями. В IX – X вв. союзы племен тоже начали объединяться – кто по доброй воле, а кто и по принуждению – и составили территориально-политическую основу будущего государства. Во главе этого суперсобза племен стоял князь, но теперь уже не только главный военный предводитель, но и представитель верховной власти»[2].

Смена исторических условий народного быта и общинного правления, сопровождавшаяся неудачной попыткой добиться стабильности с помощью коллективной формы верховной власти и формы правления привела к необходимости появления на Русской земле славянской по своему древнему происхождению династии Рюриковичей в качестве независимых от внутренних распрей лиц. Они оказались способными привести расстроенное управление в соответствующий порядок, сменив элементный состав и правовые основы организации верховной власти. Исключительно с приходом представителя легитимной, славянской по своему древнему происхождению династии объясняется тот факт, что призвание Рюрика и его дружины стало для восточных славян решающим фактором в развитии отечественной государственности и положило начало новому историческому циклу - рождению Древнерусского государства[3]. Этот процесс потребовал смены формы верховной власти, на что было отведено почти сто тридцать лет. Он начался с трех взаимосвязанных событий русской истории - занятия Киевского стола Великим князем Владимиром в 978 г., Крещения Руси в 988 г. и венчание его на Русское Царство в 990г.

Происходит не сразу заметное изменение формы правления и формы верховной власти. Древнерусскую властную вертикаль возглавляет знатный потомок славянских князей из рода Рюриковичей. Он обладает правами военного руководителя и судьи. Он же осуществляет ряд религиозных функций духовного главы. Однако, считать его единоличным владыкой было бы опрометчиво. Традиционные ограничения его правомочий были налицо. Князю приходится иметь дело с сильным вечевым порядком государственного правления, которое представляло интересы городов-государств Древней Руси, объединить которые в единое целое представилось крайне непростым делом. А.Ю. Дворниченко дает русскому феномену вечевого института обоснованное научное пояснение. Он характеризует его как систему «соподчиненных городских и сельских общин во главе с главным городом, основанную на архаической непосредственной демократии, проявляющейся в вечевой активности»[4].

Второй период. Он охватывает временной промежуток, начиная с Крещения Руси в 988 г. и до окончания в 1547 г. Его начало знаменовано бракосочетанием в 990 г. Великого князя Владимира с ромейской царевной Анной, когда идея христианской монархической государственности становится определяющим фактором развития Руси. Хотя традиции вечевого правления не теряет своей актуальности, начинается новый период с установления новой формы верховной власти, осознания ее юридической природы и ее источника. В результате, очень медленно, но все более отчетливо, возникает тенденция к единодержавию верховного правителя – русского князя.

Вслед за рядом ученых, можно утверждать, что с этого времени союз разных племен, находившийся под властью одного князя, приобретает, пусть еще в зачаточном состоянии, монархическую форму правления, которая существовала до 2(15) марта 1917 г. С начала ее зарождения, когда князя еще нельзя назвать суверенным правителем, и впоследствии на протяжении более десяти веков, она имела характерные монархические черты. Они раскрывались в виде наследственного правопреемства верховной власти, единодержавия ее обладателя, в отсутствии разделения властей. По мере развития отечественной государственности, эти элементы проявляли себя все более и более отчетливо.

В период до Любечского съезда 1097 г., когда было принято решение о государственной самостоятельности княжеских уделов и их наследовании по праву «отчины» и «дедины», верховным органом власти старейшей городской общины было вече. Вече «ведало вопросами войны и мира, распоряжалось княжескими столами, финансовыми и земельными ресурсами волости, объявляло денежные сборы с волостного населения входило в обсуждение законодательства, смещало неугодную администрацию…Князь и знать еще не превратились в сословие, отгороженное от рядовых общинников…Князь не мог обойтись без общины, как и она без него. Он – не монарх, а высший исполнительный орган вечевой общины»[5]. С характеристикой данной этому периоду отечественной государственности выдающимся русским историком И.Я. Фрояновым нельзя не согласиться. В последующем статус князя претерпевает заметные изменения.

У него возникает больше прав, чем у обычного субъекта исполнительной власти, ограниченного верховной волей законодателя. С одной стороны, вечевое право с его идеей коллективного принятия единодушных решений, с другой стороны, право исполнения государственных функций князем, обеспечившее ему единоличие власти в области административно-указных, и одновременно исполнительных полномочий, а также опора князя на личную дружину и военное командование иррегулярными вооруженными формированиями, - все эти факторы придавали верховной власти этого исторического периода заметную двойственность ее юридической природы. В силу стоящих в первую очередь задач по государственной охране и обороне Русской земли от внешней агрессии и разрешения внутренних споров о власти, власть князя, a priori требовавшая для ее эффективного осуществления единоначалия, становилась все более значимой и весомой, все больше стремилась освободиться от воли вечевого собрания.

[1] Грачев Н.И. Происхождение верховной власти у восточных славян // Вестник Саратовской государственной юридической академии · № 5 (118). 2017. С. 28.
[2] Коваль Г.М., Стрелецкий И.Я. Формирование системы государственного управления в Древней Руси // Актуальные проблемы истории российской государственности. Материалы научно-практической конференции. Москва, Зеленоград. 22 марта 2024 г. С. 83.
[3] Там же, с. 32.
[4] Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018, №2 (10). С. 8.
[5] Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства // Начала русской истории. Избранное. М.: Издательский дом «Парад». С. 743.

Несмотря на то, что вече было вправе пригласить князя на княжение или отказаться от его правления, княжеская власть постепенно приобретала все более ощутимое доминирующее политическое значение государственного верховенства. Присущая субъективному праву монарха возможность действовать единолично и юридически неограниченно становилась все более ощутимым фактором княжеского правления. Вечевая форма верховной власти, в силу объективных обстоятельств начинает все больше считаться с единоличной властью князя.

В целях усиления своего государственно-правового влияния и достижения по возможности большей независимости от веча, Рюриковичи начинают осуществлять самостоятельную правовую деятельность, регулировавшую присоединение земель к их владениям, а также размер и порядок собираемой ими дани. С конца X в., князья начинают прибегать к самостоятельному составлению нормативных актов в виде уставных грамот и княжеских уставов, что являлось свидетельством нарастающего влияния династического верховенства, проявлением монархической организации верховной власти и становления княжеского единодержавия как последующей формы верховной власти. Постепенно, по мере усиления княжеской власти и разрастания аппарата управления роль и значение веча снижалась. И уже со второй половины XII в. приглашение вечем князя в летописях не упоминается»[1].

Поддерживая в целом тезис об ограничении власти князя вечевым порядком, следует также иметь в виду, что вече имело свои собственные задачи. В отличие от тех, которые стояли перед князем и требовали его постоянного внимания, эти задачи носили, хотя и очень существенный, но исключительный и временный характер. Их практическое осуществление не пересекалось с вопросами текущего административного и военного управления, а также с целым рядом вопросов судопроизводства, находившихся в непосредственной компетенции князя[2]. Единодержавие его власти ограничивалась и мнением дружины, которое порой могло иметь решающее значение, но которое князь, бывало, использовал в своих целях в качестве противовеса интересам веча, укрепляя такими путем свое верховенство.

При оценке формы верховной власти в период древнерусской истории, нельзя не учесть, что «Так называемое «Киевское государство» X в. являло собой конгломерат племен, рыхлое и неустойчивое межплеменное образование, сооруженное Киевом посредством военного принуждения, прежде всего с целью получения даней и не имеющее прочных внутренних связей, а потому готовое в любой момент рассыпаться»[3]. При таких условиях утверждать о наличии полноценной формы монархического правления, охватывающей всю территорию Киевской Руси, не приходится. Заимствованная на Русь из опыта Восточной Римской Империи монархическая идея христианской государственности, в реальной жизни проявляла себя ограничено. Ее полноценная практическая реализация была достоянием еще далекого исторического будущего.

После Любеческого съезда 1097 г. верховная власть киевского князя ослабевает. Она все больше утрачивает централизующую функцию объединения Русской земли. Это не означало, что идея единодержавия утратила свое значение. Напротив, она остается привлекательной и реализуется на периферии, в удельных княжествах, где возглавляющие их князья из удельных обладателей земельных держаний с правом условного пожизненного владения, становятся полноправными наследственными вотчинниками. Их власть приобретает все более и более отчетливые правовые очертания единоличной суверенной власти, которая руководствуется, прежде всего, княжеско-вотчинными интересами с учетом их местного социально-экономического колорита.

В это время право правления и земельного обладания сливаются воедино, возникает «княжое право» - феномен древнерусского правопонимания. Его основу составляет нераздельное существование частного земельного владения и права на публичную власть у одного лица – князя. Он становится одновременно государем и обладателем вотчинной территории, полученной им в наследство. Он единоличный правитель, судья и законодатель, который руководствуется по мере необходимости и возможностей общерусским правовым кодексом - Русской Правдой.

Возникает период, когда в княжеских вотчинах, владельцы которых являются наследственными распорядителями их территории и одновременно обладателями государственной власти, закрепляется княжеское единодержавие в качестве формы верховной власти при ее монархической организации. Верховная власть князя выделяется в самостоятельный государственный институт, обладающий публичностью, наследственным правопреемством и юридической безответственностью ее обладателя. Значительное усиление княжеского единодержавия приходится на время правления Андрея Боголюбского, который в 1157 г. становится «самовластцем всей Суздальской земли». Он идейно и фактически развивает княжеское единодержавие во Владимиро-Суздальском княжестве в качестве суверенной верховной власти.

Ордынское нашествие, сделавшее русских князей зависимыми от ханской воли и выдачи им ярлыков на великое княжение, невольно способствовало освобождению князя от влияния веча, традиционные права которого при таких условиях все больше сводились к минимуму, хотя вече как институт общинной власти городского населения в отдельных землях сохранялся до конца XIV - XV вв.

В Московском централизованном государстве монархическая форма правления становится обычной нормой, а верховная власть Великого князя получает внешний суверенитет после стояния на Угре в 1480 г. Даже будучи ограниченным внутренней политической силой крупных землевладельцев-вотчинников из числа родовитых бояр и правом монастырского землевладения, княжеское единодержавие Ивана III все больше эволюционировало в сторону всевластного царского самодержавия. Его сын великий князь Василий III продолжил политику отца по укреплению княжеского единодержавия.

Третий период. Это был период царского самодержавия. Он продолжался 370 лет с 1547 г. до 1917 г. Вопрос об историческом возникновении и формальном юридическом закреплении царского самодержавия в качестве формы верховной власти российского монарха решился путем венчания Ивана IV на «Русское царствие» в 1547 г. Фактическое же закрепление царского самодержавия в Московском Царстве происхо-

[1] Коваль Г.М., Стрелецкий И.Я. Формирование системы государственного управления в Древней Руси…С.88.
[2] Сергеевич В.И. Вече и Князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей, М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1867. С. 66.
[3] Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.), СПб.: Изд-во С. - Петерб. ун-та, 1996. С. 447.

дит вследствие реформ 50-60 гг. XVI в., когда путем государственного принуждения в рамках опричнины были устранены препятствия к достижению юридической неограниченности верховной власти русского монарха. С этой же целью был принят ряд мер, включая решения Стоглавого собора 1551 г. по существенному ограничению, как наследственных земельных княжеско-вотчинных и боярских прав, так и прав церковно-монастырского земельного держания. В целом, законы об условиях землевладения и землепользования, «будучи ярким выражением земельной политики правительства Ивана IV, определили принципиальную линию этой политики, выражавшуюся в стремлении к ликвидации княжеского землевладения»[1]. То же самое можно сказать в отношении монастырских и церковных земель.

Период середины XVI – XVII вв. в советской и постсоветской историографии принято относить к сословно-представительной монархии в силу активной деятельности в это время церковно-государственных соборов и желанием представить их ограничителем самодержавной воли монарха. Обращение к историческим событиям этого времени, к законодательству, действовавшему на тот период, к историографическим и монографическим работам отечественных и зарубежных историков и юристов, убеждает в ошибочности такого утверждения. «Специфические особенности Земских соборов и местных сословно-представительных учреждений в России свидетельствуют о неправомерности суждений насчет русской сословно-представительной монархии. Точнее было бы назвать Россию той поры неограниченной монархией с сословно-представительными учреждениями»,[2] - полагает И.Я. Фроянов. Еще точнее, Россию того времени следует считать самодержавной монархией, юридическая неограниченность которой является ее непременным свойством, отразившим содержания исторического генезиса отечественной государственности и юридическую природу верховной самодержавной власти.

Соборы на Руси этого периода, которые летописные источники земскими не называют[3], были временными законосовещательными органами царской власти российского государя. Их участники, приглашенные царем, были задействованы в выработке решений общегосударственного значения. Никакого выборного народного представительства они не знали, никогда похожими на западноевропейские парламенты не были[4]. Все решения соборов утверждались или отвергались царем по его личному усмотрению и принимались их участниками с целью укрепления самодержавия. Понятно, что такую форму правления нельзя считать сословно-представительной монархией, способной поставить юридические пределы самодержавию русского монарха. Как верно заметил Б.Н. Чичерин, такая идея была попросту чужда «огромному большинству тогдашнего общества»[5].

Наличие представительных органов в системе царской власти российского государя, полностью ему подчиненных, не является исключительной чертой верховной монархической власти русского самодержца. С равным успехом, в качестве особенностей самодержавия этого периода можно указать на наличие органов местного самоуправления, которые в отличие от западных аналогов не составляли свои уставы с учетом норм, ограничивающих королевскую власть европейских монархов на местах.

Исключение в понимании существа формы верховной власти в России составил лишь Собор 1613 г., сыгравший роль законодательного учреждения в отсутствии царствующего монарха. По окончании Смутного времени в результате «государственного обирания царя на русское царствие» было соборно восстановлено наследственное самодержавие русских государей, причем, как изволение Божие, а не как акт народной воли. Собор восстановил временно утраченную монархическую форму правления и самодержавие русских государей как традиционную форму верховной власти.

Точно также не находит своего подтверждения широко распространенное мнение о существовании абсолютной монархии в Российской империи, когда формой верховной властью было царское самодержавие. Более того, сама идея абсолютной монархии, заимствованная из-за рубежа как проявление неограниченной королевской власти западноевропейских монархов, фактически не была ими реализована. Многолетние попытки систематизировать признаки абсолютизма так и не составили его целостной картины как историко-правового явления. Они лишь привели к тому, что при желании их можно найти в любом централизованном государстве, указав на их некоторые особенности. Российский ученый О.Н. Мухин полагает, что «возможно, следовало бы отказаться от столь неадекватного и спорного понятия и говорить о монархии раннего Нового времени»[6]. Подобным образом обстоит дело и в отношении «просвещенного абсолютизма» – термина, которым обычно обозначается историческая стадия абсолютизма как его цивилизованного и прогрессивного апогея в России. Не имея возможности раскрыть содержание всего разнообразия мнений по этому вопросу[7], обратим внимание лишь на некоторые позиции ряда ученых, вплотную занимавшихся вопросом изучения феномена абсолютизма в Европе.

Как отмечает американский социолог Р. Бендикс, законодательство французской монархии, отличалось последовательно устанавливаемыми «договоренностями между французским королем и различными социально-политическими группами и институтами»[8]. Верховная власть короля была ограничена различными лицами и учреждениями, которые в значительной степени представляли собственные интересы. Это положение не было характерной чертой истории Франции лишь в кратковременный с исторической точки зрения период правления Людовика XIV. В средневековой Англии «подразумевалось, что в слиянии с полномочиями парламента королевская власть является высшей»[9].

Как отмечает в своей работе «Миф абсолютизма» британский ученый Н. Хеншел, права королей в обоих государствах (Англии и Фран-

[1] Кольвах В.Ю. Регулирование земельных правоотношений при Иване IV // Общество и право, 2010. № 5(32). С. 25.
[2] Фроянов И.Я. О возникновении русского абсолютизма //Начала русской истории. ., 2001. Издательский дом «Парад». – С.919.
[3] Пушкарь В., митрополит. Собор Державный. Патриотизм или либерализм? // Русская народная линия. 01.01. 2001. С. 1.
[4] Mazour, A. G. Russia Tsarist and communist. Princeton (N.J.) ETC.: Van Nostrand, 1966. P.77.
[5] Чиркин Б.Н. О народном представительстве. М. Тип. Грачеваи К$^{0}$, 1866. С. 336.
[6] Мухин О.Н. Абсолютизм VS Самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. С. 142, 148.
[7] См. подробнее: Шайрян Г.П. Самодержавие как форма верховной власти в России. Дисс. д.ю.н. Белгород, 2022г. С. 85-99.
[8] Bendix *R.* Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. University of California Press, 1980. P. 118.
[9] Томсинов В.А. Государственный строй Англии накануне революции 16401660 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2006. № 3. С. 67.

ции – авт.) «были абсолютными, когда осуществляли свои обширные прерогативы, и ограниченными, когда вели переговоры с подданными об их правах»[1].

В Испании верховная власть короля в различное время и в различной степени была ограничена хартиями (фуэрос) феодальных вольностей отдельных провинций, сословий и фамилий, муниципальных образований. Лишь в объединенной Испании они утратили свою юридическую силу[2]. Что касается Священной Римской Империи, то Рейхстаг, представляя собой «конгресс послов», который на практике был не способен принимать законы, а «сильные государства, такие как Австрия или Пруссия, безнаказанно игнорировали или обходили императора и имперский парламент»[3]. Как видно, нереализованная идея абсолютной монархии на Западе была искусственным образом перенесена на самодержавную Россию.

Переход к конституционной монархии в России в начале XX в. также остается лишь умозрительным пожеланием. Царское самодержавие как форма верховной власти и монархическая форма правления остались неизменными. Введение в законодательный процесс представителей от народа в начале XX в. в Российской Империи по аналогии с уже известным средневековой русской государственности правом их ограниченного участия в царских органах власти не изменило ни формы правления, ни содержательной сущности царского верховенства, оставив форму верховной самодержавной власти без изменений.

В силу ст. 4 ОГЗ 1906 г. Император Всероссийский сохранил безраздельно принадлежавшую ему верховную самодержавную власть, а вместе с ней и право самостоятельно законодательствовать, издавая нормативные государственные акты в виде указов по своему усмотрению без учета мнений Государственной Думы и Государственного Совета, чем неоднократно пользовался. Об этом же свидетельствует важнейший критерий исторической самобытности отечественной государственности – юридическая природа верховной власти российского монарха. Его власть распространялась также на верховное и подчиненное управление, суд, верховное военное командование. Император оставался Главой Церкви и главой династии. Такие основополагающие свойства верховной власти как самодержавие, юридическая неограниченность, царское верховенство и священность в полной мере сохраняли свое значение с середины XVI в. и до начала XX в. Все это позволяет констатировать, что царское самодержавие в России не изменило присущую ему традиционную форму верховной власти и ее юридическую природу до марта 1917 г.

***Список литературы:***

1. Нечкин А.В. Форма правления в государствах мира: проблемы классификации и пути их возможного решения // Теория права. 2019. № 5(150). С. 133-147.
2. Грачев Н.И. Происхождение верховной власти у восточных славян // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 28. EDN: ZSUFBF
3. Коваль Г.М., Стрелецкий И.Я. Формирование системы государственного управления в Древней Руси // Актуальные проблемы истории российской государственности. Материалы научно-практической конференции. Москва, Зеленоград. 22 марта 2024 г. С. 83. EDN: JYJIHO
4. Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, "новые подходы" и некоторые перспективы изучения // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018, №2 (10). С. 8. DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10022 EDN: FSBSAY
5. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.), СПб.: Изд-во С. - Петерб. ун-та, 1996. С. 447. EDN: VIXRWN
6. Кольвах В.Ю. Регулирование земельных правоотношений при Иване IV // Общество и право, 2010. № 5(32). С. 25. EDN: OOLQIL
7. Фроянов И.Я. О возникновении русского абсолютизма //Начала русской истории.., 2001. Издательский дом "Парад". - С.919. EDN: WIXMZT
8. Мухин О.Н. Абсолютизм VS Самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. С. 142, 148. EDN: PYABBN
9. Шайрян Г.П. Самодержавие как форма верховной власти в России. Дисс. д.ю.н. Белгород, 2022. С. 85-99. EDN: WLWBBP
10. Bendix R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. University of California Press, 1980. P. 118.
11. Томсинов В.А. Государственный строй Англии накануне революции 16401660 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2006. № 3. С. 67. EDN: HUGXCL

***References:***

1. Nechkin A.V. The form of government in the states of the world: classification problems and ways of their possible solution // Theory of law. 2019. No. 5(150). pp. 133-147.
2. Grachev N.I. The origin of supreme power among the Eastern Slavs // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 5 (118). P. 28. EDN: ZSUFBF
3. Koval G.M., Streletsky I.Ya. Formation of the public administration system in Ancient Russia // Actual problems of the history of the Russian state. Materials of the scientific and practical conference. Moscow, Zelenograd. March 22, 2024, p. 83. EDN: JYJIHO
4. Dvornichenko A.Y. City-states of Ancient Russia: old truths, "new approaches" and some prospects for studying. Paleorosia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas. 2018, No. 2 (10). p. 8. DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10022 EDN: FSBSAY
5. Froyanov I.Ya. Slavery and tributary status among the Eastern Slavs (VI-X centuries), St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1996. P. 447. EDN: VIXRWN
6. Kolvakh V.Y. Regulation of land relations under Ivan IV // Society and Law, 2010. No. 5(32). p. 25. EDN: OOLQIL
7. Froyanov I.Ya. About the emergence of Russian absolutism //The Beginning of Russian history.., 2001. The publishing house "Parade". - p.919. EDN: WIXMZT
8. Mukhin O.N. Absolutism VS Autocracy: once again to the definition of concepts // Bulletin of TSPU (TSPU Bulletin). 2013. pp. 142, 148. EDN: PYABBN
9. Shayryan G.P. Autocracy as a form of supreme power in Russia. Dissertation, Belgorod, 2022. pp. 85-99. EDN: WLWBBP
10. Bendix R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. University of California Press, 1980. p. 118.
11. Tomsinov V.A. The state system of England on the eve of the revolution of 164-1660 // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2006. No. 3. P. 67. EDN: HUGXCL

[1] Henshall N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy London: Longman, 1992. P. 3.
[2] Пичугина И.С. О положении крестьянства Леона и Кастилии XII—XIII вв. (по данным фуэрос) // Средние века. 1962. Вып. 21. С. 49-61.
[3] Bendix R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule / R.Bendix. – University of California Press, 1980. С. 306, 326, 380.